

52.516

610

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

В. ВИННИЧЕНКО.

КУЗЬ И ГРЫЦУНЬ.

Съ украинскаго. Переводъ автора.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР - 1979

Львівська державна
наукова бібліотека

642

Мы рѣшили дальше не идти.

Собственно, дѣло было такъ: я стоялъ за то, чтобы переправиться на ту сторону Днѣпра, пройти въ степи и тамъ наняться. Но Кузь поскребъ свой рябой заросшій подбородокъ, взглянулъ на небо и сказалъ:

— Нѣ. Лагерь тутъ. Кончено. Лягай, братцы.

Грыцунъ моментально положилъ свой узелъ на землю и разлегся, словно рѣшилъ это не Кузь, а ояъ самъ. Разлегся, закинулъ руки за голову и съ полнымъ удовлетвореніемъ сталъ смотрѣть въ небо.

А Кузь усѣлся на свою котомку, закурилъ и хозяйскимъ, дѣловитымъ взоромъ окинулъ все вокругъ. Ничего: все было въ порядкѣ, — Днѣпръ почти подъ самыми ногами мечтательно плескался волнами; по небу, какъ разсыпанный пухъ, плыли облачка; солнце усердствовало, будто для Кузя, и жгло спину.

— Хорошо! — похвалилъ Кузь и запихнулъ кисеть въ карманъ. — Нада спочынуть.

Мы улеглись возлѣ самой дороги. При желаніи мы могли бы подняться немножко выше и быть на широкой площади. Тамъ много народу, лавокъ и старая вѣтряная мельница. Отъ мельницы ходитъ вокругъ нея густая тѣнь и, если передвигаться за ней, то можно цѣлый день лежать въ прохладѣ. Лежать и поджидать себѣ нанимателей.

Я сказалъ это Кузю. Но Кузь цыркнулъ сквозь зубы въ воду и небрежно отвѣтилъ, что ему „солнце ни по чемъ“, что „солдаты сонця не боится, а какъ разъ обратно“.

Грыцунь глядѣль въ небо и лишь мелькомъ посматривалъ на меня, что я скажу на его... то-бишь на Кузевы слова.

Я тоже легъ. Въ крайнемъ случаѣ я могъ сбросить одежду и скатиться въ Днѣпръ.

— Понятно, — сказалъ Кузь. — А ежели здѣсь не наймемся, пойдемъ въ лоцманскія села, тамъ въ день по десяти рублей возьмемъ. Тамъ, братъ, лоцманы въ походъ пошли, косить некому, вотъ бабы и наймутъ. А то на Донъ рыбку ловить. Правда, Грыцунь?

Но если бъ онъ спросилъ свой драный сапогъ, то тотъ не могъ бы ему отвѣтить бѣлымъ согласіемъ, чѣмъ Грыцунь.

* * *

Такимъ образомъ мы дальше не пошли. Правда, у насъ была еще большая булка, полъ-пачки махорки номеръ шестнадцатый и двадцать три копѣйки деньгами. Мы могли не торопиться. И если я стоялъ за то, чтобъ идти дальше, то лишь потому, что люблю степь.

Мы пролежали два дня. У насъ было все, что нужно человѣку: на небѣ солнце, подъ ногами вода. Если солнце слишкомъ ужъ усердствовало, мы забирались въ Днѣпръ и сидѣли въ немъ сколько намъ хотѣлось.

Но на третій день утромъ Грыцунь задумчиво сказалъ, что онъ не прочь поѣсть тарани, кабы она была у насъ. Кузь сплюнулъ и промолчалъ.

Я же поглядывалъ на одинъ огородъ, находившійся на самомъ концѣ села, у воды. На томъ огородѣ росъ лукъ, бобы, картошка. Картошка, по всей вѣроятности, была уже порядочная, пожалуй такая, что ее можно было бы варить въ тѣхъ горшкахъ, что торчали на кольяхъ возлѣ хаты.

И въ тотъ день къ намъ подходили наниматели и спрашивали, не нанимаемся ли мы. Но Кузь пренебре-

жительно оглядывалъ каждого съ ногъ до головы и спрашивалъ:

— А почему даете?

Давали столько, что Кузь не хотѣлъ съ ними даже и говорить дальше.

— Тоже ффраерь!—кивалъ онъ вслѣдъ каждому.

И, помолчавъ немного, добавлялъ, что мы по десяти рублей въ день возьмемъ, какъ пойдемъ въ лоцманскія села. А то рыбку на Донъ ловить.

Грыцунъ мечтательно смотрѣлъ въ небо. Ему солнце также было „ни по чемъ“. Сколько бъ ни жарило, все равно не могло бы сдѣлать глаза его синѣе или смуглѣй лицо. Только и было въ его власти—выжечь еще одно-другое бѣлое пятнышко на лицѣ. И казалось бы, что какая-то шалунья пальцемъ въ мукѣ потыкала Грыцуна въ щеки. Не рѣшаясь расцѣловать, только потыкала.

* * *

Такъ лежали мы себѣ на берегу Днѣпра. Волны и тучки, должно быть, Грыцуна что-то занимательное говорили, потому что онъ все время задумчиво улыбался и шурилъ къ нимъ свои синіе глаза съ длинными рѣсницами.

Кузь латалъ сорочку, сидя на тепломъ камнѣ у воды и распѣвалъ себѣ съ такимъ спокойствіемъ и благодушіемъ, точно онъ всю жизнь только и мечталъ о томъ, какъ бы добраться до этого камня и латать на немъ сорочку.

Я глядѣлъ на волны.

Мы всѣ были вполне удовлетворены. У насъ было все, что надобно человѣку. Картошка на огородѣ стала уже такая, что ее можно было и варить и печь. Мы въ этомъ убѣдились. Съ наймомъ мы могли не спѣшить.

Но на пятый день утромъ мы вдругъ за нашими спинами услышали грохотъ громадной арбы, а въ гро-

хотѣ звонкій смѣхъ и крики. Смѣялось и кричало къ намъ лицо дѣвушки, сидѣвшей рядомъ съ угрюмымъ, серьезнымъ и необыкновенно загорѣлымъ парнемъ. Казалось, онъ поручилъ ей смѣяться и за себя, и потому самъ уже не имѣлъ никакой надобности даже улыбаться.

И дѣвушка кричала и смѣялась всѣмъ, кто ей попадался по дорогѣ. Вѣроятно, такое ужъ у нея было обыкновеніе.

Но Грыцунъ посмотрѣлъ на это иначе. Онъ оглянулся, оперся на локоть и, засмѣявшись, закивалъ ей головой, словно она только ему одному смѣялась.

Кузь пересталъ пѣть и, повернувшись къ дорогѣ, почесалъ рябой красный носъ. Глаза его безъ всякаго удовольствія пробѣжали по арбѣ.

— Здравствуйте! — крикнула голова дѣвушки. — А что, спеклись уже хорошо? Ха-ха-ха!

Можно было подумать, что она-то и посадила насъ здѣсь.

— А хорошо...—привѣтливо засмѣялся Грыцунъ.

Я солидно молчалъ. У меня нѣтъ обыкновенія вступать въ разговоры со всякой вертихвосткой, которая только и знаетъ, что зубы показывать.

Ихъ кони шли медленно, какъ всякіе порядочные мужицкіе кони, которымъ попадается на дорогѣ небольшое возвышеніе. Правда, запряжены они были въ „экономическую“ арбу, бывшую вдвое длиннѣе ихъ.

— Можетъ, нанимаетесь?—крикнула дѣвушка и зачѣмъ-то высунулась изъ арбы. А глаза ея словно прилипли къ Грыцуню.

— Можетъ, и нанимаемся,—важно и громко обозвался съ камня Кузь, тѣмъ самымъ давая понять, что въ этихъ дѣлахъ надлежитъ обращаться не къ кому иному, какъ только къ нему.

Дѣвушка нерѣшительно обернулась къ мрачному загорѣлому парню, — чтѣ, молъ, тотъ скажетъ на это.

Можетъ, взять этихъ людей, подвезть ихъ до площади, а тамъ приказчикъ найметъ ихъ?

Но парень неохотно и хмуро взглянулъ на насъ и, отвернувшись къ лошадямъ, стегнулъ кнутомъ и крикнулъ:

— А-н-нѵ!

Больше ничего. Лошадки крутнули хвостами и побѣжали мелкой рысцой. Изъ-подъ колесъ дымомъ взвилась пыль и, какъ въ тучѣ, скрыла дѣвушку. Дѣвушка что-то будто крикнула, но мы не разобрали. Грыцунъ даже сѣлъ.

Затѣмъ снова легъ и, опершись на локоть, долго глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ клубилась за телѣгой дорожная пыль. Чему-то улыбался той же улыбкой, съ которой смотрѣлъ на волны и тучки. И вдругъ улегся навзничь, заложилъ руки за голову и глубоко вздохнулъ.

Я также легъ и смотрѣлъ на ту сторону Днѣпра. Тамъ далеко-далеко надъ курганомъ небо было синее-синее. Словно очи этой дѣвушки, такъ безъ толку смѣявшейся давеча. И на меня еще взглянула!

Пролетѣла чайка низко надъ водой, тонкая, гибкая, будто изъ сѣрой жести сдѣланная. У той дѣвушки брови изогнуты, какъ крылья чайки.

Вмигъ Грыцунъ сѣлъ, взглянулъ на меня, на Кузя и сказалъ:

— А... тово... А, можетъ, мы пошли бы наниматься?

Я усмѣхнулся, а Кузь исподлобья взглянулъ на Грыцуна и ничего не сказалъ. Онъ на такія глупости и отвѣчать не хотѣлъ. Встряхнулъ свою сорочку, напялилъ ее на руки и, съ внимательной благосклонностью осматривая ее, серьезно запѣлъ:

— Южъ мы йшли да йшли,
Я-й—въ Рассеюшку прийшли.
Да вой люле, вой да люле
Я-й—въ Рассеюшку прийшли...

Грыцунъ подождалъ, потомъ наклонился къ своей котомкѣ и сталъ увязывать ее.

Я не двигался. Кузь раза два искоса метнулъ взглядомъ на него, но пѣлъ съ еще большей серьезностью.

— Такъ вы не тово... не идете наниматься? — спросилъ Грыцунъ.

Кузь опустилъ сорочку, замолчалъ и удивленно оглядѣлъ его съ ногъ до головы.

— Да ты это куда?—холодно и строго проговорилъ онъ.

— Да наниматься же!

Грыцунъ смущенно улыбнулся.

Кузь еще разъ строго посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Садись на мѣсто! Слушайсь команды. Наниматься усѣ разомъ будемъ. Намъ у лоцманскихъ селахъ по десяти рублей у день дадутъ.

Но Грыцунъ молча наклонился къ своей котомкѣ, поднялъ ее, закинулъ за спину и пошелъ по дорогѣ.

Кузь взглянулъ на меня, я на Кузя.

— Стой!! — вдругъ заревѣлъ Кузь и бросился за Грыцуномъ. Тотъ остановился и обернулся. Онъ все такъ же смущенно улыбался.

Кузь подбѣжалъ къ нему.

— Ты куда? Говори сичасъ!

— Наниматься.

— До этой... куропятки?

— Да...

Если бъ Днѣпръ взялъ и повернулъ свои волны назадъ, Кузь меньше былъ бы удивленъ этимъ, чѣмъ поведеніемъ Грыцуна. Еще вчера они лежали вдвоемъ на пескѣ и Грыцунъ, положивъ ему голову на грудь, спалъ возлѣ него, какъ возлѣ родной матери.

— Ну, видѣлъ ты такого дурня?—вернулся Кузь ко мнѣ.—Да знаешь-ли ты, дурень, почему они даютъ?

— Нѣтъ.

— А ты знаешь, куда они нанимають?

— Нѣтъ.

— Ну, и послѣ этого, можетъ, скажешь, что ты не дуракъ?

— Нѣ.

Кузь отъ удивленія не могъ больше ничего говорить. Онъ вспотѣлъ, но даже потъ не вытиралъ со лба.

Вдругъ взялъ Грыцуна за рукавъ и ласково, спокойно началъ:

— Дурачокъ ты, Грыцунь, накажи меня Богъ. Хоть обижайся, хоть нѣ, а ты дурачокъ. Понявъ? Ну, куда ты идешь? Куда? Зачѣмъ?

Грыцунь сказалъ, что онъ идетъ наниматься. Кузь вполне резонно отвѣтилъ ему, что намъ торопиться некуда, потому что, если насъ тутъ не наймутъ, мы можемъ пойти въ лощманскія села и возьмемъ тамъ по десяти рублей въ день.

Я не хотѣлъ вмѣшиваться въ ихъ разговоръ. Мнѣ вспомнилось, что глаза дѣвушки не разъ, а, будто, раза два остановились на мнѣ. Хм! мнѣ все жъ таки любопытно было, почему они останавливались.

— А знаете что?—всталъ я.—Можетъ, и, въ самомъ дѣлѣ, пойти да наняться? Какъ-то оно... Покуда еще тѣ лощманскія села, а здѣсь потеряемъ...

Кузь грозно повернулся ко мнѣ, но я забросилъ свою котомку на плечи и подошелъ къ обрадованному Грыцуно.

Кузь посмотрѣлъ на меня, на Грыцуна, сказалъ, что „съ такими сволочами“ и говорить бы не слѣдовало и сталъ увязывать свою котомку.

* * *

Мы такъ нанялись. Намъ дали такую цѣну, что въ другой разъ Кузь только цыркнулъ бы сквозь зубы и усмѣхнулся. А теперь и слова не сказалъ. Взялъ задатку пятьдесятъ копѣекъ и купилъ штаны. Но Гры-

пуню объ этомъ и не подумалъ сообщить и тутъ же возлѣ арбы одѣлъ ихъ на старые. Одѣлъ, закурилъ цыгарку, оперся спиной о бокъ телѣги и на штаны уже не глядѣлъ. Они ему были ни по чемъ. Захочетъ и дегтемъ вымажетъ, ничуть не жаль. Пусть глядитъ, кто хочетъ. Онъ даже ноги скрестилъ.

А Грыцунъ и не замѣчалъ ничего этого. Онъ смотрѣлъ совсѣмъ въ другую сторону. Самъ сидѣлъ на поручняхъ, спустивъ ноги въ арбу. Вокругъ стоялъ гулъ человѣческихъ голосовъ, ржанья лошадей, хлопанья кнутовъ. Потоками туда и сюда плыли головы мужиковъ, женщинъ, въ соломенныхъ шляпахъ, картузахъ, платкахъ. Грыцунъ на все это не смотрѣлъ.

Съ неба смѣялось солнце, тепло, горячо, жгуче смѣялось,—Грыцунъ не замѣчалъ этого.

Мнѣ кажется, если бъ Кузь къ штанамъ своимъ надѣлъ совершенно новый пиджакъ, сѣлъ верхомъ на солнце и сталъ хлестать всю толпу громаднымъ кнутомъ, Грыцунъ и того бы не замѣтилъ. Такія ужъ минуты находятъ на человѣка!

Онъ замѣчалъ только, какъ смѣялась дѣвушка. Ему это не трудно было, такъ какъ она сидѣла противъ него на другихъ поручняхъ арбы. На ней была синяя кофточка колокольчикомъ, на головѣ бѣлый платочекъ, а босыя ноги, выглядывая изъ-подъ короткой юбочки, играли пальцами. И ноги не могли оставаться спокойными. О глазахъ уже нечего и говорить. Они никого не пропускали, всѣхъ замѣчали, всякаго задѣвали. Поглядѣвъ на нее, можно было бъ съ увѣренностью сказать, что она пріѣхала повидаться со всѣмъ базаромъ.

И незнакомыхъ у нея не было... Вотъ развѣ кромѣ одного Грыцуна. Она его просто не замѣчала. И недалеко вѣдь сидѣлъ, а вотъ не замѣчала и только.

Когда онъ обращался къ ней, она какъ разъ въ это мгновеніе видѣла что-нибудь очень интересное на ба-

зарѣ и вся даже перегибалась въ ту сторону. Грыцунь умолкалъ и, краснѣя, смотрѣлъ на меня. Но я усмѣхался.

* * *

А Кузь все стоялъ и курилъ. Онъ уже ни во что не вмѣшивался. Пусть будетъ такъ. Въ лоцманскихъ селахъ мы могли бы по десяти рублей въ день взять, но пусть будетъ такъ.

И онъ стоялъ и курилъ. Грыцунь же сидѣлъ на поручняхъ и не замѣчалъ ничего.

— А вы, дяденька, подкурить меня здѣсь собираетесь? — вдругъ толкнула дѣвушка въ плечо Кузя. Онъ стоялъ какъ разъ подъ ней.

Кузь обернулъ къ ней свое рябое, строгое лицо, осмотрѣлъ ее снизу вверхъ и пренебрежительно отвѣтилъ:

— Тебя бы то именно и слѣдовало выкурить сцюдова.

— Ой! — захохотала она. — А почему такъ?

— Чтобъ зубы поменьше продавала.

— А вы купите. Дешево.

— Я такъ, братъ, куплю, что послѣ и не посбираешь!

— Ой, матушки, какой же сердитый этотъ дяденька! Должно, маленькимъ кошка черезъ него переступила.

Но Кузь отвернулся. Онъ не имѣлъ никакого желанія разговаривать съ ней.

А дѣвушка вмигъ повернулась, перегнулась къ Грыцуню, схватила за плечи и сдѣлала движеніе, словно желая его опрокинуть.

У Грыцуна въ лицѣ сначала пробѣжалъ испугъ, а затѣмъ оно все засіяло.

— А гляди-ка! — удивленно всмотрѣлась она въ него. — И у него синіе глаза... Эхъ, ты... Тоже...

И, выпустивъ плечи его, вся покраснѣла, усѣлась на свое мѣсто, еще посмотрѣла на Грыцуна и, отвер-

нувшись, затихла. Такъ-таки сразу затихла, — не кричала больше, не смѣялась, точно весь базаръ въ одну минуту разѣхался. Водила только глазами по людямъ и глаза странно улыбались.

А Кузь, видя все это, видя, какъ покрылось полымъ лицо Грыцуня, сплюнулъ, махнулъ рукой и легъ подъ арбой. Пусть все идетъ какъ знаетъ!

* * *

Имѣннице оказалось небольшое. Его можно было все упаковать въ сундучекъ, взять подъ мышку и унести куда угодно.

Кузь сразу же, какъ только мы пріѣхали, взглянулъ, высморкался и сказалъ, что это — „не экономія, а старый свинюшникъ“.

Но Грыцунъ съ этимъ опредѣленіемъ не согласился.

— Да ты, можетъ, скажешь, что я лучшей и не видалъ никада?—съ грознымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Кузь.

— Понятно, скажу!—усмѣхнулся Грыцунъ.

Кузь посмотрѣлъ на меня, я на Кузя,—такихъ рѣчей мы еще не слыхали отъ Грыцуня. Нѣтъ, мы ничего подобнаго никогда не слыхали отъ него!

— Значить, я вру?—киво улынулся Кузь. Онъ уже и это надѣялся услышать отъ Грыцуня.

Но Грыцунъ того не сказалъ. Онъ только замѣтилъ, что экономія очень хорошая и что здѣсь все такъ красиво.

— Такъ—цыркнулъ сквозъ зубы Кузь.—Это называется „пропаль я мальчишка, пропаль навсегда“. Ну, дѣло твое. Идемъ!

Мы пошли на кухню, а Грыцунъ остался на дворѣ. Оглянувшись, я видѣлъ, какъ онъ глядѣлъ на окна управляющаго, въ одномъ изъ которыхъ мелькнула головка въ бѣломъ платочкѣ.

* *
*

О томъ, что Грыцунь „пропалъ“ и говорить нечего было. Мы и не говорили, а только смѣялись. Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это смѣшно и безстыдно: связаться съ панской наймишкой, потаскушкой, съ какой-то горничной, которая умѣетъ только зубы всѣмъ показывать.

— А какое приданое возьмешь за ней?—кричали Грыцуню дѣвчата, возвращаясь вечеромъ съ работы и поспѣвая за нимъ. Онъ всегда бѣжалъ впереди всѣхъ.

Грыцунь молчалъ. Онъ не любилъ такихъ разговоровъ.

— Да что вы его спрашиваете? Меня спросите.

— А ты знаешь?

— Понятно, знаю.

— А ну?

— А вотъ вамъ и „а ну“. Маленькое, красненькое, да еще кричить.

— Да вре?.. А гдѣ жъ она возьметъ такое приданое?

— А конторщики зачѣмъ?

— Ха-ха-ха!

И солнце, спрятавшись за старымъ курганомъ, смѣялось вмѣстѣ съ толпой. Тихо улыбалась степь.

Грыцуню пѣли свадебныя пѣсни, и, быть можетъ, оттого маленькіе яры обвивались кроткой грустью вечера.

Грыцунь же только еще быстрѣе спѣшилъ впередъ. Рѣдко-рѣдко ужиналъ съ нами и скоро исчезалъ гдѣ-то за господскимъ садомъ. Временами слышался тонкій свистъ его, а въ кустахъ легкое покашливаніе дѣвушки съ синими глазами. Звалась она Оленкою.

Кузь же даже не смѣялся. Жилъ ли на свѣтѣ какой-то Грыцунь, нѣтъ-ли, ему это не было извѣстно. Можетъ, и видѣлъ иногда этого парня со смуглымъ лицомъ, но Кузю не было до него никакого дѣла.

Одинъ только разъ, укладываясь спать, онъ неожиданно пробормоталъ:

— Вотъ такъ пропалъ хлопецъ!.. Эхъ!..

И сплюнулъ.

Но я не слышалъ. Я былъ занятъ звѣздами. Онѣ каждый вечеръ что-то мнѣ рассказывали и хитро подмигивали! Только я никакъ не могъ понять, по поводу чего они подмигивали мнѣ!

Кузь, вѣроятно, давно уже не водилъ съ ними разговоровъ, разъ навсегда потерявъ надежду понять ихъ мудреную рѣчь. Поэтому, потушивъ цыгарку на ладони, натянулъ свиту на голову и захрапѣлъ. А я еще долго прислушивался къ звѣздамъ.

Мы, обыкновенно, спали подъ скирдами. Степенные и старыя, онѣ, должно быть, много видали на своемъ вѣку и стояли съ тихой угрюмостью, словно знали много такого, отъ чего трудно веселымъ быть. И всегда среди нихъ стоялъ старый, горьковатый духъ, не то пота человѣческаго, не то слезъ, не то чего другого. Кто его пойметъ, чѣмъ могутъ пахнуть старыя господскія скирды!

Каждый вечеръ я долго лежалъ въ бессонной нѣгѣ, иногда дождавшись даже Грыцуны. Онъ, обыкновенно, приходилъ торопливо и тихонько, виновато укладывался возлѣ Кузя. Временами вздыхалъ и ворочался. А разъ даже привсталъ, сѣлъ и, коснувшись рукой Кузя, чуть слышно позвалъ:

— Кузь!.. А Кузь?..

Кузь не шевелился.

Кузь не разъ хвастался, что во снѣ слышитъ, какъ блоха по соломѣ пролѣзетъ, но, видно, лгалъ, такъ какъ Грыцунева зова совсѣмъ не слыжалъ. Не шевельнулся даже, а, наоборотъ, еще сильнѣе захрапѣлъ.

Я тоже лежалъ неподвижно. Какое мнѣ дѣло до этого?

Грыцунъ вздохнулъ, глубоко вздохнулъ, всталъ и тихо пошелъ въ степь.

Кузь сразу пересталъ храпѣть, почесался и приподнял голову.

— Вотъ проклятыя блохи, спать не даютъ!—съ неудовольствіемъ пробормоталъ онъ въ мою сторону.

Я лежалъ неподвижно. Какое мнѣ дѣло до этого?

— Ты спишь?

Онъ даже слегка тронулъ меня рукой.

Я молчалъ. У меня былъ разговоръ со звѣздами и въ человѣческіе разговоры я не хотѣлъ вмѣшиваться.

Тогда Кузь всталъ и началъ зачѣмъ-то вглядываться въ степь. Но степь была темная. Только изда-лека, такъ словно возлѣ Двухъ Могилъ, кто-то пѣлъ, тихо, печально. Голосъ похожъ былъ на Грыцуневъ.

Кузь вздохнулъ и снова легъ.

А я лежалъ неподвижно.

* * *

Можетъ, съ мѣсяцъ прошло, можетъ, больше. Во всякомъ случаѣ была уже та пора, когда никто никого на рабочихъ пунктахъ не нанимаетъ и рабочіе лежатъ тамъ сердитые и мрачные, какъ мухи осенью.

И вотъ въ эту-то пору мы стали замѣчать, что экономія начала производить нѣкоторыя измѣненія въ нашихъ харчахъ. Давала уже не три раза горячую пищу, а только два, а то всего и разъ на день. Вмѣсто хлѣба, который можно разжевать, стали давать такой, который необходимо было дня за два до того, какъ ѣсть, класть въ воду.

Это все показалось намъ несоотвѣтствующимъ тѣмъ условіямъ, на которыхъ мы нанялись. Мы заявили объ этомъ нашему „таборному“. Но таборный сначала послалъ насъ къ чортовой матери, а потомъ къ управляющему. Мы посовѣтовались и рѣшили отправиться къ послѣднему.

Въ тотъ же вечеръ Кузь надѣлъ свои новые штаны, а дядюшка Терентій пиджакъ съ заплатанными карманами, пригласили съ собой еще душъ десять и со сте-

пенной торжественностью направились къ конторѣ. Кузь два раза снималъ картузь и приглаживалъ волосы. Дядюшка жъ Терентій держался такъ, словно шелъ въ воскресенье къ церкви.

Передъ конторой откуда-то выпорхнула Оленка, блеснула въ насъ розовыми деснами и синими бѣлками глазъ и исчезла въ крыльцѣ конторы. А изъ-за господскаго погреба медленно показался Грыцунъ. Онъ, очевидно, прогуливался въ вечерней прохладѣ.

— А ну-ка, малый, заворачивай!—подмигнулъ ему дядюшка Сидорецъ.

Грыцунъ остановился.

— Куда?

— А до конторы. Забастовку дѣлать.

Грыцунъ ничего не сказалъ, взглянулъ на Кузя и пошелъ въ другую сторону.

Въ это мгновеніе вышелъ управляющій и ни Кузь, ни Сидорецъ не успѣли ничего сказать Грыцуню. А Кузь, видимо, собирался таки кой-что сказать.

Управляющій внимательно выслушалъ дядюшку Терентія.

— Умгу!—обвелъ онъ насъ глазами—Такъ чего же вы хотите?

Тутъ уже Кузь не выдержалъ и объяснилъ, чего мы хотимъ.

— Даже въ походахъ, ваше благородіе, харчъ эта—солдацкая харчъ и та луччи, чымъ эта,—вѣжливо улыбаясь, вертѣлъ онъ картузь въ рукахъ.—Просто, ваше благородіе, никакой инструкціи невозможно зъ такимъ хлѣбомъ. Жуешь, а онъ, какъ глина. И окромя того, ваше благородіе, горячая пища одоставлена. Горячая пища, ваше благородіе, нашему сословію все одно, что, звините, паровику пара...

— Именно,—выставилъ и Сидорецъ свою ласковую улыбку,—какъ-то говорится: „дай коню овса да и гони, какъ пса.“

Мы всѣ вздохнули, ибо это была истина.

Кузь нетерпѣливо повелъ глазомъ въ сторону Сидорца,—онъ не любилъ, чтобъ его перебивали во время рѣчи.

— Такъ что, ваше благородіе, — снова улыбаясь нѣсколько смущенно, нѣсколько просительно, завертѣлъ онъ картузь.— На счетъ вашего распораженія мы просимъ. Чтобъ, значить, намъ пищу лучшую...

— Хмъ!—понуро усмѣхнулся управляющій,—пищу... Можетъ и плату лучшую?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Платой мы много довольны, ваше благородіе.

— „Плата и у ката, лишь бы харчъ хороша“,—опять вставилъ Сидорецъ.

Кузь покосился на него.

— Умгу! — снова усмѣхнулся управляющій — Ну, такъ вотъ же что я вамъ скажу, выслушайте меня, какъ слѣдуетъ.

— Съ нашимъ униманіемъ!—вѣжливо поклонился Кузь.

— Такъ вотъ что. Харчъ въ экономіи хороша. Кому не нравится, пусть забираетъ паспортъ и на всѣ четыре стороны. Никого не держимъ. А кто бунтовать другихъ будетъ, того сейчасъ же въ тюрьму. Вотъ это мое послѣднее слово. Обдумайте и кто желаетъ, пусть приходитъ за паспортomъ. До свиданія.

Спокойно повернулся и пошелъ въ контору.

А мы посмотрѣли сначала ему въ спину, потомъ другъ на друга и кто усмѣхнулся, кто почесался, а кто выругался.

Кузь не усмѣхался и не чесался. Надѣлъ свой картузь, потряхнулъ головой и рѣшительно сказалъ:

— Ну, что жъ? Стало быть, будемъ обдумывать. Айда, братцы!

* *

70-006

И мы стали обдумывать.

Обдумывали въ степи за работой, въ таборѣ за обѣдомъ, подъ скирдами ночью, даже среди пѣсенъ вечеромъ.

Правда, пѣнія стало теперь меньше. Пѣли только тѣ, которые рѣшительно отказались забирать свои паспорта. Они предпочитали ѣсть „гливтяки“ ¹⁾, чѣмъдохнуть на пунктахъ. Такъ они говорили. На это имъ Кузь отвѣчалъ, что они могутъ по десяти рублей въ день взять, если пойдутъ въ лоцманскія села, но они не слушали и продолжали пѣть.

Кузь еще убѣждалъ, что можно пойти на Донъ и рыбу ловить, но они и на то не соглашались и не прекращали пѣнія. Правда, ихъ было мало и пѣніе выходило такимъ же жидкимъ, какъ тотъ кандеръ, который намъ варили, но это ихъ не останавливало.

Въ особенности, не останавливало это Грыцуня. Онъ даже въ одинъ вечеръ за господскій садъ не пошелъ и все пѣлъ. А среди пѣсни порой что-то шепталъ то одному, то другому. И послѣ его шопота пѣсни ихъ становились веселѣе.

Кузь же лишь посматривалъ на Грыцуня. Онъ только посматривалъ и цыркалъ сквозъ зубы. Говорить съ этимъ парнемъ онъ не хотѣлъ,—пусть говорятъ съ нимъ другіе.

И съ Грыцунемъ говорили дядюшка Терентій, дядюшка Сидорецъ, Галинка съ ямочкой на подбородкѣ, говорила чернобровая, точно съ пиявками надъ глазами, Оксана, пробовалъ говорить даже глухой Перепичка,—но Грыцунъ, вѣроятно, поговорилъ раньше съ кѣмъ-то другимъ и потому никого уже не слушалъ. Онъ только усмѣхался и глядѣлъ въ сторону.

Усмѣхались и тѣ, съ которыми онъ шептался.

Таинственно и ласково шептались и старыя деревья

¹⁾ Невыпеченный, почти сырой хлѣбъ.

въ панскомъ саду, а изъ-за нихъ, изъ-за старыхъ ласковыхъ деревьевъ слышалась пѣсня и легкое покашливанье. Кто-то тамъ ходилъ и ждалъ и простудился ожидая, вотъ и покашливалъ.

Кузь сидѣлъ на завалинкѣ, пыхалъ цыгаркой и смотрѣлъ въ землю. И всякій разъ, какъ пыхалъ, рябой носъ его и щеки красноватымъ пятномъ выступали изъ темноты. Въ разговоръ онъ не мѣшался. Даже и тогда, когда опять поднялся крикъ и ссора, когда Грыцунъ вырвался изъ толпы и пошелъ куда-то по направленію къ саду, даже тогда Кузь ничего не сказалъ. Онъ только цыркнулъ въ сторону, поднялся, натянулъ свиту на плечи и молча пошелъ за скирды.

А мы постановили завтра утромъ забрать паспорта. Пусть экономія управляется тѣми, которые остаются, тѣми хриstopродавцами, панскими помойницами, лакузами! Пусть управляется!

Такъ мы постановили и разошлись спать.

Только спалось ли кому въ ту ночь или нѣтъ, а Кузь всю ночь ворочался, жалуясь, что блохи не даютъ ему уснуть.

Я ничего на это не могъ ему сказать. Онъ даже раза два вставалъ, кого-то высматривалъ, вздыхалъ и снова укладывался.

Я лежалъ и смотрѣлъ на звѣзды.

Грыцунъ же въ ту ночь не спалъ съ нами. Можетъ онъ спалъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, — мы того не знали.

* *

А, можетъ, и совсѣмъ не спалъ всю ночь? Было что-то на это похоже, потому что, когда мы его утромъ рано встрѣтили возлѣ кухни, глаза у него были усталые, сонные и мечтательно-задумчивые.

А впрочемъ, когда онъ увидѣлъ, что мы всѣ съ котомками рѣшительно и весело направляемся къ кон-

торѣ, задумчивость его исчезла и онъ пошелъ за нами. Пошли и тѣ, что оставались. Они громко смѣялись и хотѣли посмотрѣть, какъ намъ будутъ давать расчетъ нагайками.

Кузь не обращалъ на нихъ вниманія. Какъ чело-вѣкъ, который знаетъ, что дѣлаетъ, онъ выступалъ впереди всѣхъ, часто оглядывался назадъ и точь-въ-точь какъ унтеръ-офицеръ, громко и строго кричалъ:

— Смирно! Всѣмъ разомъ... Не отставать! Не робѣть. Пашпорта и ращотъ, больше ничего!

Рядомъ съ нимъ шелъ дядюшка Терентій и улыбался одними глазами. Онъ тоже зналъ, что дѣлаетъ.

Солнце замѣшкалось за старыми, длинными скирдами. Оно, должно быть, знало, что мы сегодня уже не выйдемъ въ степь, потому и не торопилось жечь землю. И оттого во дворѣ лежали длинные тѣни отъ деревьевъ и построекъ. Трава была запылена сѣдой росой и холодокъ пріятно обвѣвалъ лицо. Только верхушки далекаго гая были уже позолочены.

Насъ ждали управляющій, двое черкесовъ, таборные и приказчикъ. Они усмѣхались, глядя на насъ, а черкесы хлопали себя нагайками по ногамъ.

Тутъ же и синеглазая Оленка зачѣмъ-то вертѣлась. Въ рукахъ у нея была миска,—бѣжала, вѣроятно, въ погребъ. Но до того любопытно было посмотрѣть, какъ насъ черкесы нагайками будутъ рассчитывать, что и о погребѣ забыла. Увидѣвъ Грыцуна, вспыхнула и такъ звонко засмѣялась на шутку приказчика, что даже управляющій повернулъ къ ней свое хмурое, толстое лицо съ желтымъ увядшимъ носомъ.

А Грыцунъ тоже отчего-то покраснѣлъ и виновато повелъ вокругъ себя глазами.

Кузь на все это не обращалъ ровно никакого вниманія. Не желая долго объясняться, онъ коротко и ясно заявилъ управляющему, что мы желаемъ взять свои паспорта, получить расчетъ и уйти изъ этой экономіи.

Дядюшка Терентій, а за нимъ и вся наша „вармія“, какъ выразился дядюшка Сидорецъ, подтвердили, что, именно, желаемъ получить паспорта и расчетъ.

Управляющій выслушалъ, равнодушно и хмуро посмотрѣлъ на насъ и сталъ говорить, что за бунты теперь по головкѣ не глядятъ, что мы—забастовщики, что мы слушаемъ всякихъ проходимцевъ, что онъ добра желаетъ, а потому отечески совѣтуетъ намъ не слушать проходимцевъ, не устраивать забастовокъ, а послушать его и отправляться въ поле, потому что поздно уже.

Но мы опять повторили, что желаемъ харчеваться по-человѣчески, а ежели намъ этого не хотятъ исполнить, то мы пойдемъ себѣ въ другое мѣсто.

Управляющій опять выслушалъ и понуро обернулся къ черкесамъ. Тѣ тотчасъ же подступили ближе. Приказчикъ усмѣхнулся, а мы сомкнулись плотнѣе.

Я поглядывалъ на Грыцуна. Онъ пристально мрачно смотрѣлъ на черкесовъ. Иногда бросалъ взглядъ на Кузя, но въ ту-жъ минуту переводилъ его въ сторону, точно лицо Кузя было горячо, какъ раскаленная сковорода. И почему-то совсѣмъ не глядѣлъ на Оленку, хотя она не одинъ разъ взглядывала въ его сторону.

— Такъ вы всѣ хотите забрать паспорта?—спросилъ управляющій.

— Всѣ!.. Всѣ...

Управляющій молча оглядывалъ насъ. Кто его знаетъ, что онъ думалъ,—лицо его не мѣняло своего понуро-тупого выраженія.

— Такъ... Ну, такъ подождать надо,—паспорта въ волости.

Это была новость: паспорта въ волости.

— Какъ въ волости?! По какому праву?!—крикнулъ Кузь.

Управляющій даже не взглянулъ на него.

— А разчета вамъ не будетъ. Кто бросаетъ среди лѣта работу, тому разчета не бываетъ.

И, повернувшись, хотѣлъ уже уходить. Но Кузь этого не могъ допустить. Э, это было уже слишкомъ коротко!

Да и мы всѣ этого не понимали:

— Какъ то разчета не будетъ?! Мы шесть недѣль работали! Вотъ такъ хороша, братцы, исторія! Ну, нѣтъ!

Даже дядюшка Сидорецъ покраснѣлъ и взволновался.

А Кузь сразу отодвинулъ картузь на затылокъ, рѣшительно подтянулъ котомку на плечо и закричалъ:

— Ваше благородіе! Подождите!

Управляющій оглянулся.

— По какому такому соображенію намъ разчета не будетъ?

— По такому, что вы бросаете работу.

— Мы бросаемъ, потому какъ вы намъ...

Но управляющій не желалъ дальше слушать.

— Разчета не будетъ. А паспорта завтра. Вотъ и все.

— Позвольте! Такъ не полагается!.. Это выходитъ уже грабежъ... Это чистый грабежъ и больше...

Но докончить Кузь не успѣлъ.

Управляющій вмигъ весь налился кровью, подскочилъ къ Кузю, размахнулся и изо всей силы ударилъ его по лицу.

— Грабежъ?!.. Вотъ тебѣ „грабежъ“! Вонъ есукинъ сынъ! Гоните его нагайками, бунтовщика!

Но въ этотъ моментъ произошло нѣчто такое, чего никто уже не ждалъ. Какъ только раздался мокрый звукъ удара по лицу Кузя, Грыцунъ вздрогнулъ. И вдругъ, весь блѣдный, встрепенулся, рванулся впередъ и, подскочивъ къ управляющему, схватилъ его за грудь и, съ бѣшенствомъ тряся, закричалъ:

— Сво-о-лочь! За что бьешь?! Ращотъ давай! Сичасъ давай ращотъ!!

Я такимъ Грыцуня никогда не видѣлъ. И глазъ такихъ не видѣлъ у него, стальныхъ, дикихъ, горящихъ.

Управляющій весь попятился назадъ отъ него, а черкесы такъ и прыгнули впередъ. Но тутъ поднялась такая буря, что и управляющій, и черкесы, и приказчикъ въ одно мгновеніе очутились въ конторѣ и приперли за собой двери.

А синеокая Оленка растерянно стояла на томъ же самомъ мѣстѣ, съ испугомъ глядя на Грыцуня. Но Грыцунъ почему-то не замѣчалъ ее, даже не смотрѣлъ въ ту сторону, а вмѣстѣ со всѣми кричалъ:

— Ращотъ давай! Пашпорта!

* * *

И расчетъ и паспорта намъ выдали въ тотъ же день. Паспорта какимъ-то образомъ оказались въ конторѣ. По предположенію дядюшки Сидорца, которое онъ высказалъ уже за селомъ, они потому оказались въ конторѣ, что слишкомъ мало было черкесовъ.

Дядюшка Терентій улыбался одними глазами, а Кузь, какъ командиръ, шелъ впереди всѣхъ и, гордо отодвинувъ картузъ на затылокъ, посматривалъ на панскія копны. Солнце жгло его рябое лицо, на которомъ еще виднѣлись слѣды руки управляющаго, но солнце ему было ни по чемъ: солдатъ солнца не боится.

Чуточку сзади его шелъ Грыцунъ. Вокругъ него былъ гомонъ и смѣхъ, но онъ ихъ не слышалъ. Задумчиво глядѣлъ куда-то въ сторону, куда-то въ степь, гдѣ надъ курганами нѣжными струйками трепеталъ горячій вѣтеръ. Кто его знаетъ, что онъ видѣлъ тамъ, но глаза его грустно и нѣжно щурились.

Только, когда Кузь оборачивался и, оглядывая командирскимъ глазомъ „вармію“, на минутку останавливалъ свой взглядъ на немъ, онъ стыдливо и радостно улыбался Кузю и слегка краснѣлъ. Глаза Кузя дѣлались

тоже стыдливо-радостными, но онъ быстро отворачивался и громко-весело затягивалъ:

Южъ мы йшли, да йшли, да йшли,
Я-й въ Рассеюшку прійшли...

И по степи, въ горячихъ струяхъ вѣтра до старыхъ кургановъ плыла наша пѣсня.

* * *

А вечеромъ мы лежали на станціи и поджидали „четвертаго класса“.

Грыцунъ положилъ голову на грудь Кузя, какъ на подушку, и смотрѣлъ въ небо. Звѣзды, должно быть, умѣли съ нимъ разговаривать, потому что онъ улыбался имъ и щурилъ синіе лучистые глаза.

Кузь же, заложивъ руки за голову, глядѣлъ на длинный рядъ вагоновъ и говорилъ о томъ, что, если мы не найдемся въ лоцманскихъ селахъ, то пойдемъ на Цонъ и будемъ рыбу ловить. Теперь рыба ловится хорошо и заработаемъ не меньше, чѣмъ въ какой-нибудь паршивой экономіи. А то еще въ Крымъ, къ морю пойти.

— Вѣрно я говорю, Грыцунъ? А?

— Понятно...— вздыхалъ Грыцунъ и улыбался звѣздамъ.

И звѣзды, какъ дѣвичьи очи, лучистыя, полныя грёзь, нѣжно улыбались ему.

PA 692

12